

Ника Гордеева

БАБУШКА В ЗАКОНЕ

Ника Гордеева

БАБУШКА В ЗАКОНЕ

«Автор»

2026

Гордеева Н.

БАБУШКА В ЗАКОНЕ / Н. Гордеева — «Автор», 2026

В центре сюжета — реальная история женщины, которая всю жизнь была образцом порядочности, честности и законопослушания. Заботливая мать и уважаемый в своем кругу человек, она из-за рокового стечения обстоятельств оказывается по ту сторону колючей проволоки. Книга представляет собой искренние впечатления интеллигентной женщины от увиденного за решеткой. Без прикрас и лишнего драматизма автор показывает изнанку тюремной жизни: от специфического юмора и скрытых правил выживания до неожиданных проявлений человечности там, где их меньше всего ждешь. Книга заставит читателя по-новому взглянуть на привычную жизнь и задуматься о том, насколько тонка грань между привычным благополучием и тюремной робой.

© Гордеева Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Авось длинною в срок	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

БАБУШКА В ЗАКОНЕ

Авось длинною в срок

Человеку приснился сон, будто он идет по песчаному берегу вместе с Господом, а на небе мелькают картины из его жизни. После каждой картины человек замечал на песке две цепочки следов — свои и Бога.

Однако в самые тяжелые и горькие периоды своей жизни человек замечал лишь одну цепочку следов. Он огорчился и спросил Бога: «Господи, Ты обещал быть со мной во все дни. Почему же в самые трудные минуты Ты оставлял меня?»

На что Бог ответил ему: «Моё милое дитя, я люблю тебя и никогда тебя не покидал. В те дни, когда тебе было хуже всего и на песке видна лишь одна цепочка следов... это были мои следы, потому что я нёс тебя на руках».

Прошло 10 лет с тех пор, когда я была осуждена. Много передумано, переосмыслено и я готова психологически рассказать о своем пребывании в местах заключения. Почему такое название у моей книги? Наверное, потому, что, когда я была в исправительном учреждении, я стала бабушкой. Да и звучит весело. Я человек неунывающий. Если попала туда, значит, так надо было, значит Бог уберег от чего-то более значительно страшного. Я была закрыта и этого не произошло.

Начну немного издалека, чтобы людям несведущим было понятно, как такое могло со мной произойти. Я творческий, активный, увлекающийся человек, который абсолютно, как оказалось, не умеет работать с документами. Мне не раз это говорили, но я к тому же еще жутко самоуверенный человек, потому, наверное, так и получилось. Теперь понимаю, что на русский авось в этой жизни не все прокатывает.

СУТКИ, ДЛИННОЮ В ВЕЧНОСТЬ

Вообще конечно я реалист, поэтому на суд поехала уже с вещами, чтобы если что, было чем умыться, во что переодеться. Что говорили на суде, я особо не помню, состояние было, как в прострации. Приговор судьи прозвучал как выстрел: «Вам понятно решение?» Да, мне понятно. Меня на 4 года лишили общения с любимыми людьми. Все остальное на тот момент было не так важно. Сняла серьги, отдала телефон подруге, которая была со мной на заседании, и на руках защёлкнулись наручники. С собой разрешили взять только паспорт и очки.

Дальше было все как в тумане. Что-то подписывала, лиц не видела, но чувствовала запах перегара конвоира, который все дальше и дальше уводил меня от привычной жизни.

Я оказалась в подвале здания суда, где были оборудованы специальные помещения для содержания заключенных. Уже в колонии узнала, что эки называют их «стаканами». По размеру это не самый большой лифт, комнатка без окон, грязная, дурно пахнущая, с маленькой железной скамеечкой. Ободранные стены содержали нацарапанные фамилии заключенных, статьи, по которым они были осуждены, срок, который им дали и обещания отомстить судье. Слезы ручьем лились из глаз. Пугала, наверное, больше всего неизвестность. Сколько здесь сидеть? Куда отправят? Как сложатся отношения с сокамерниками?

Хочу заметить, что я описываю события так, как я их воспринимала. Понимаю, что большинство моих читателей не знают жизни по ту сторону колючей проволоки, так же, как и я воспринимала ее искаженно, исходя из фильмов, передач, рассказов и опыта, который на тот момент был равен нулю. Находясь в СИЗО, я писала заметки, так мне было легче пережить данную ситуацию, сейчас они мне здорово помогают вспомнить мои впечатления и эмоции первых дней.

Вернемся в здание суда. Мне показалось, что в одиночестве в «стакане» я просидела часа два, наверное. В голове вопрос — Что я здесь делаю? В душе — обида на весь белый свет, на

бога, который, как я считала меня бросил. Вот сижу я вся такая чистенькая и задыхаюсь в этой грязи.

Но железные двери клацнули и нас стало двое. «Оля» — представилась вошедшая, — «Бытовая пьяница» и закурила. О боже, в этом помещении без окон можно еще и курить. Придется привыкать к табачному дыму. А смолила Оля много, буквально одну сигарету за одной, рассказывая мне веселые истории из своей жизни. Слезы высохли.

Оля была женщиной лет 40, очень худощавого телосложения, в брюках и спортивной кофте, с мальчишечьей стрижкой и острыми чертами лица. Факт недельных запоев она не скрывала и относилась к нему, как к чему-то обыденному и повседневному. Она тут же поведала за что сидит.

Любому человеку при распитии спиртных напитков нужна компания, чтобы поговорить, душу так сказать излить. Вот и Оля в свой очередной запой пошла в ближайшее к дому кафе. Компания нашлась быстро. Мужчины вышли покурить и оставили на столе планшет. По ее словам, она долго мужчин ждала, но не дождалась. Пыталась отдать планшет работникам кафе, но те отказались взять, поэтому она пошла с гаджетом домой. Поскольку компания гуляла под камерами слежения, Олю вычислили быстро, ведь была она завсегдатаем ближайшего местного отделения полиции. Планшет был недорогой, деньги она за него вернула, ну и получила условный срок. Но, всегда есть, но. Продолжала пить и нигде не работать. Ей дали два месяца колонии, но денег доехать до поселения у нее не было. Поэтому была закрыта.

За разговорами прошли еще часа два. И в нашем «стакане» появилась еще одна подруга. «За что ты здесь?» — этот вопрос основной по популярности. Можно еще раз рассказать свою боль новым знакомым, выдать ситуацию так, как нравится именно тебе, ведь окружающие не знают правды, да и, пожалуй, не узнают никогда. Так что самый популярный ответ на вопрос «За что сидишь?» — «Да в общем-то не за что».

Новая соседка Лена была молодой девушкой 26 лет, в очень короткой юбке, едва прикрывающей пятую точку, и как мне показалась немного не в себе. Было в ее взгляде что-то этакое, хотя спиртным не пахло. Ее взяли в квартире мужчины, у которого она жила и который, по ее словам, обещал на ней жениться. Была у Ленки и своя квартира (мне лично непонятно откуда в таком возрасте и с таким образом жизни), но мать с отчимом ее отобрали. А еще у нее был сын, опекуном которого была ее мать, поскольку Ленка была лишена родительских прав. Мать сказала, что отдала внука в детский дом, мол там ему будет лучше, за что Ленка полоснула ее ножом по горлу. Не, не насмерть. «Так, царапина»- поведала нам она и смачно закурила. Это не конец исповеди.

На суде, по поводу помещения ее под стражу до выяснения всех обстоятельств, Ленка устроила настоящее шоу. Билась в истерике, схватилась за решетку, так, что даже конвоир еле смог разжать ее руки, и кричала, что в тюрьму не пойдет, а выбросится сейчас с третьего этажа зала, где проходило судебное заседание. И Ленку отвезли в дурдом, привязали к кровати, приставили охрану и стали проводить обследование на вменяемость. Поскольку представление было разыграно, она очутилась с нами в «стакане». А ее пьяный взгляд-следствие успокоительных уколов, сделанных в лечебном учреждении.

В результате просидели мы в этом прокуренном помещении часов восемь-девять. Есть не давали. Пить не давали. Я пару раз просила, чтобы меня вывели в туалет и пила там воду из-под крана, заглушая таким образом чувство голода.

Почему я так подробно вам рассказываю? Да потому что, все остальные истории, которые я слышала в течении 4 лет были написаны практически под копирку.

НОВАЯ ТОЧКА ОТСЧЕТА

Часов в 6 вечера нас посадили в автозак. Куда везут никто не говорил. Я наивно полагала, что Ленку завезем в СИЗО, поскольку у нее основного суда еще не было, затем меня в колонию,

и потом Олю, поскольку ее поселок по маршруту самый последний. За стенкой машины ехали человек 10 -12 мужчин. Минут через 30-40 были на месте. Вывели, поставили лицом к стене, затем завели в помещение, которое я приняла за место, в котором мы будем жить- откуда же мне знать процедуру принятия в СИЗО.

А пока, я решила, что вот она наша камера: 2 двухъярусные железные кровати, две сло-манные тумбочки, стол и две скамейки, все прикручено к полу. Туалет грязный, вонючий и зачем-то поднятый на постамент, который был мне выше колен. И никаких дверей, и стен в туалете. Прямо шаблонная картинка из памяти при слове «тюрьма».

Все были голодные, но нам сказали, что кухня на сегодня уже закрыта и о кормежке можно забыть. Мы по очереди выходили в другие кабинеты, заполняли анкеты, нас фотографировали, брали кровь, отпечатки пальцев. У меня все было на автомате. Потом дали постельное, матрац, одеяло, подушку, ложку, кружку и отправили в камеру. На часах был первый час ночи.

Шла со страхом. Думала приду посреди ночи, кровать свободная одна, и она наверняка не нижняя. Конвоир сказал:» Уступят». А если нет? На конфликт сразу идти с девчонками?

Зашла. Все сразу встали и закурили. Одна из девчонок молча перенесла свои вещи на верхнюю кровать, другая заправила мою. Мы чуть – чуть поржали. По-другому это не назвать. Я им рассказала, как меня принимали в СИЗО. Например, спрашивают, кто к вам будет приезжать на свидания? Муж? Я говорю, что не дай бог покойный муж будет приходить. Или: «Есть ли у вас животные?» Отвечаю да, есть, два кота, дома с мамой остались. Оказывается, речь была про вшей. Думаю, так бы и сказали педикулез. К тому же, я оказалась похожа на маму одной из заключенных. В общем, зря я боялась. Так началась моя тюремная жизнь.

Кормили в СИЗО три раза. Утром всегда давали кашу на воде с маргарином. Вкуснее всего была пшённая. Геркулесовую и ячневую сильно разбавляли водой. Из моего дневника: «В воскресенье в тарелке была гречневая вода, затянутая маргариновой пленкой. Попыталась найти в этой каше гречу-безуспешно, так что позавтракал унитаза». Еще давали чай, не похожий на чай. И одну ложку сахара.

В обед был суп. Записывайте рецепты. Гороховый-гороховая вода, плохо очищенный картофель и морковь. Перловый-перловка, естественно гнилой картофель и морковь. Рассольник – то же самое, но кое-где попадает огурец. Щи или борщ (кому как больше нравится)-без перловки, но с капустой. И пик кулинарного искусства – Свекольник- неочищенная свекла и картофель, солить не надо.

Вообще, каждое принятие пищи-квест «Угадай из чего сделано». Из дневника: «Вчера в супе у меня гущи не было. Название определить не берусь. Непромытые серые макароны. Даже не льстите, что вы такое видели на свободе».

Мясо в супе, это понятно, что его не было совсем, потому что в тарелке не плавало ни одной жиринки. Мясо на второе выглядит так – кусочек говядины или курицы с ногтей, все остальное-вода, лук, морковь и мука.

«Радуюсь, когда на гарнир картошка. Естественно не почищенная. Но вчерашнюю порцию пришлось вывалить в унитаз. Картошка, порезанная как на жарку, на 2 пальца была залита водой. Зрелище отвратительное». Из других гарниров могу назвать плавающий в воде рис и плавающие в воде макароны, пшённая каша, овсянка и капуста. Как выглядит последняя я не знаю, поскольку наша камера за целый месяц сей продукт ни разу не ела.

На ужин всегда давали рыбу. Но это тоже громко сказано. Это либо размером со спичечный коробок кусок путассу, либо на четверых банка кильки в томатном соусе, либо очень соленая селедка. И раз в неделю- рыбная котлета. Хотя была она невысокого качества, но это праздник для моего желудка по сравнению со всем остальным.

Отдельно хочу сказать про хлеб. Каждый день на камеру давали буханку черного и буханку так называемого серого. Я такого никогда в своей жизни не то, что не ела, даже не

видела. Была мысль — пекут специально для СИЗО. Серый хлеб кислый, а буханка черного очень тяжелая, просто убить можно. Не зря тюремная еда получила название «баланда».

Понимаю, что большинство заключенных вопросы гигиены мало волнуют, но должна вам и об этом рассказать. СИЗО, в котором я находилась, более-менее чистый. Мы каждый день мыли пол в камере, стирали одежду и сушили на батареях и кроватях, убирая перед обходом и потом опять развешивая.

Если не использовать свою посуду, то вполне можно подхватить какую-нибудь болезнь. На мой взгляд, в СИЗО не моют, а просто ополаскивают. Иначе, как по-другому расценить тот факт, что утром кашу приносят в тарелке с не отмытым ободком от вчерашнего чудо-рагу из свеклы?

В нашей камере не было мышей и тараканов, но по «дороге» (что это такое расскажу чуть позже), которая делается между камерами каждый вечер, нам присылали живых мышей. Это мужчины так развлекались. Значит, в принципе, грызуны есть.

Постельное меняли раз в неделю, в тот день, когда мы ходили в душ. Выходим из камеры, становимся лицом к стенке, в руках пакеты с банными принадлежностями. Нас обыскивают, зачем? Ведь пакеты не досматривают, в них много всего можно пронести. Помывка-это минут 15 в грязном душе. Везде паутина, до стен не дотронуться, они все в слизи. Потоки грязной воды в душе, лужи в раздевалке.

Как проходит жизнь в СИЗО. Подъем в 6 утра. Отбой в 10 вечера. Днем все спят при каждом удобном случае, потому что делать здесь особого нечего. Я писала дневник, в тишине, это меня спасало.

Здесь есть библиотека. Два раза в месяц приходит женщина. Выскажу опять же свое мнение. Такое впечатление, что две престарелые, закончившие свою трудовую деятельность учительницы, одна истории, другая литературы, отдали в СИЗО свой методический материал. Петр Первый, Египет- пособия для учителей. Жизнь и творчество Пушкина, Бунина, Куприна написаны тяжелым языком, не для массового чтения. Еще учитель по географии присоединилась с учебником по топографии.

Раз в день – прогулка, по желанию. Но, если не пойдешь ты, не пойдет и вся камера. У нас слава богу конфликтов на этой почве не было. Длится прогулка около часа, но, если холодно, могут увести раньше. Место для гуляния представляет собой по размеру камеру, но без мебели. В глазок все время на тебя смотрят. Сверху решетка с колючей проволокой, и сквозь нее тоже постоянно смотрит конвоир.

Самая больная тема для меня была здоровье. Хотя, пока шло следствие, я вылечила все зубы, прокапала капельницы для давления, ну в общем подготовилась, поскольку подразумевала, что лечить в местах заключения нечем совершенно. Я пила свои таблетки от гипертонии. А вот что было делать с сердцем, которое очень сильно болело и отдавало в левую руку? Врачи из каких – то запасов нашли для меня таблетку валидола, что естественно не решило проблему. Для того, чтобы мне дали таблетку, я в течении недели говорила об этом на обходе. Меня игнорировали. Тогда я написала заявление, меня вызвали в кабинет и дали таблетку.

Сердечный приступ случился с сокамерницей. Узбечка нарушила правила пересечения государственной границы, ей дали всего 2 месяца. О ней хлопотали родственники, адвокат, папа приехал с родины, а она все равно плакала и переживала. Врача ждали минут 30, ломились в двери, чтобы хоть кто-нибудь пришел. Ей сделали укол анальгина с димедролом. Поняли, какое лечение? Вообще, анальгин здесь самый актуальный препарат. Делят таблетку на половинки, это от ноги, это от головы, смотри не перепутай.

Два раза в день – утром и вечером проходит обход. Дежурный по камере сдает рапорт. «Гражданин начальник в камере проживают 4 человека. Дежурный такой-то». Это все. Я, человек с высшим образованием, выступающая легко перед любой аудиторией, вначале тушевалась. Через месяц я привыкла к конвоирам, даже лица их различать стала. Из дневника: «Несмотря

на отрицательные моменты, которые я описывала, относятся ко мне хорошо. Большинство персонала называют на „вы“.

«Девчонки в камере молодые, смешливые. Одна просит рассказать про блокаду Ленинграда, другая научить танцевать вальс. Делают друг другу причёски, заплетают косы, делятся передачами, читают вслух книги. Все, как на воле, только ограничены в передвижениях».

Для общения в каждом СИЗО есть «дорога». Это на жаргоне заключенных, а вообще это нелегальная система межкамерной связи, с помощью которой они передают друг другу записки («малявы»), сигареты, чай, лекарства, деньги, телефоны и другие вещи.

Поскольку заключенные в следственных изоляторах строго изолированы друг от друга, «дороги» являются главным способом коммуникации.

Как ее делают? Из распущенных носков, свитеров или одеял сплетаются длинные, тонкие и прочные веревки («кони»). К концу веревки привязывается груз в нашем случае — хлебный мякиш. Арестант выбрасывает груз из окна в сторону соседнего окна. Заключенные из другой камеры ловят. Когда связь установлена, по ней перетягивают грузы. Каждый вечер сотрудники СИЗО обрывают эти дороги, но буквально в течении часа они бывают снова восстановлены.

Еще в СИЗО бывает шмон. Внезапно. Всех выводят из камеры. Простучивают стены, полы, потолки, батареи. Прощупывают все личные вещи, матрацы, подушки. Ищут запрещенку- наличие карт, телефона, сим-карты. Если находят, заключенного помещают в карцер. Можно попасть и по другим поводам-нарушение режима дня, драки, угрозы, порча имущества и многое другое. Дисциплинарные взыскания влияют на условно- досрочное освобождение.

Первоначально, я хотела назвать мою книгу «Радуга». Потому что красивейшее природное явление — это первое, что я увидела из серого тюремного окна. Вот, подумала я, проводя некоторую параллель, мы из своей жизненной клетки не видим души конкретного человека. Жизнь дала мне возможность на некоторое время вырваться из суеты, послушать, подумать, поразмышлять. Моя книга о людях, с которыми свела меня жизнь волею судьбы за колючей проволокой. Какие краски я нашла в душах моих новых знакомых, вы узнаете, прочитав эту книгу.

В СИЗО, наверное, были самые яркие для меня экземпляры, может потому что они были первые.

Наверняка у каждого из вас есть такой некий сложившийся шаблон зека или зечки. Для меня таким образом стала Таня. Я поняла это сразу, как ее увидела. Во-первых, внешность. На лице написана вся ее прошлая жизнь. Папа убил маму, когда Тане было 12 лет. Ее воспитывала сестра, еще есть очень сильно пьющий брат. Да и саму Таню по лицу не назовешь трезвенницей. Сия особа занимается дома разведением собак. Уже точно не помню, но Таня говорила, что у нее их 17. Естественно они лают и мешают соседям. Хотя она утверждала, что всем им сделаны операции на голосовые связки. А сидела Таня за то, что не платит алименты сыну, находящемуся в детском доме. Жилье ее после пожара, без обоев, газ, свет и тепло отключены за долги. Одна операция на голосовых связках собак стоит от 14 до 25 тысяч рублей. Откуда у нее столько денег? Но я вам говорила уже, здесь все сказочники, кто во что горазд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.